

Юлий Айхенвальд

Иван Бунин

Юлий Исаевич Айхенвальд
Иван Бунин
Серия «Силуэты русских
писателей», книга 17

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2594585

Аннотация

«На фоне русского модернизма поэзия Бунина выделяется как хорошее старое. Она продолжает вечную пушкинскую традицию и в своих чистых и строгих очертаниях дает образец благородства и простоты. Счастливо-старомодный и правоверный, автор не нуждается в „свободном стихе“; он чувствует себя привольно, ему не тесно во всех этих ямбах и хорях, которые нам отказало доброе старое время. Он принял наследство. Он не заботится о новых формах, так как еще далеко не исчерпано прежнее, и для поэзии вовсе не ценны именно последние слова. И дорого в Бунине то, что он – только поэт. Он не теоретизирует, не причисляет себя сам ни к какой школе, нет у него теории словесности: он просто пишет прекрасные стихи. И пишет их тогда, когда у него есть что сказать и когда сказать хочется. За его стихотворениями чувствуется еще нечто другое, нечто большее: он сам. У него есть за стихами, за душой...»

Содержание

I. Его стихотворения	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Юлий Исаевич Айхенвальд

Иван Бунин

I. Его стихотворения

На фоне русского модернизма поэзия Бунина выделяется как хорошее старое. Она продолжает вечную пушкинскую традицию и в своих чистых и строгих очертаниях дает образец благородства и простоты. Счастливо-старомодный и правоверный, автор не нуждается в «свободном стихе»; он чувствует себя привольно, ему не тесно во всех этих ямбах и хореех, которые нам отказало доброе старое время. Он принял наследство. Он не заботится о новых формах, так как еще далеко не исчерпано прежнее, и для поэзии вовсе не ценны именно последние слова. И дорого в Буине то, что он – только поэт. Он не теоретизирует, не причисляет себя сам ни к какой школе, нет у него теории словесности: он просто пишет прекрасные стихи. И пишет их тогда, когда у него есть что сказать и когда сказать хочется. За его стихотворениями чувствуется еще нечто другое, нечто большее: он сам. У него есть за стихами, за душой.

Его строки – испытанного старинного чекана; его почерк – самый четкий в современной литературе; его рисунок – сжатый и сосредоточенный. Бунин черпает из невозмущенно-

го Кастальского ключа. И с внутренней и с внешней стороны его лучшие стихи как раз вовремя уклоняются от прозы (иногда он уклониться не успевает); скорее он прозу делает поэтичной, скорее он ее побеждает и претворяет в стихи, чем творит стихи, как нечто от нее отличное и особое. У него стих как бы потерял свою самостоятельность, свою оторванность от обыденной речи, но через это не опошлился. Бунин часто ломает свою строку посередине, кончает предложение там, где не кончился стих; но зато в результате возникает нечто естественное и живое, и нерасторжимая цельность нашего слова не приносится в жертву версификации. Не в осуждение, а в большую похвалу ему надо сказать, что даже рифмованные стихи его, производят впечатление белых: так не кичится он рифмою, хотя и владеет ею смело и своеобразно, — только не она центр красоты в его художестве. Читая Бунина, мы убеждаемся, как много поэзии в нашей прозе и как обыкновенное сродни высокому. Из житейской будничности он извлекает красоту и умеет находить новые признаки старых предметов.

Он рассказывает себе поэзию своей жизни, ее микроскопию, ее отдельные настроения. Проникнутый духом честности, он не испытывает страха перед прозой, ложного стыда перед нею, и для него так нормально сравнить крылья скользящих чаек с белой яичной скорлупою, или назвать тучи лохматыми, или с помощью солнца в золото превратить грубую заплату ветряка. Поэтизируя факты, он не боится старых, но

не стареющих ценностей мира, не стесняется петь то, на чем останавливались уже многие взоры, что воспевали уже многие чужие уста. Весна, ручей, восход, полдень, настойчивые песни соловьев, голуби, звезды его любимые, февраль, апрель, «золотой иконостас заката» – все это продолжает его вдохновлять, все это, казалось бы, исчерпанное его предшественниками на разных концах земли, дожидалось его, существует и для него, свежее и светлое, не ослабленное в своей первоизданной чистоте. Правда, это же свойство Бунина делает более слабые из его стихотворений слишком бесспорными и прирожденно-хрестоматическими.

Поэт сдержанный, он не навязывает природе своих душевных состояний, он любит? ее за нее самое: ведь это совсем не обязательно, чтобы она непременно и всегда соответствовала чему-нибудь человеческому. Бунин не хочет сказать больше, чем есть: у него, правдивого, слова отвечают явлениям, и оттого ему веришь, в нем не сомневаешься. Бережный и целомудренный, классик жизни, он не выдумывает, не сочиняет и не вносит себя туда, где можно обойтись и без него. Когда он говорит о себе, то это является внутренней необходимостью, и слово ему принадлежит по праву.

Своего лиризма он не расточает понапрасну; вообще, он не словоохотлив. Нещедрыми словами рассказав о чем-нибудь важном или случайном, о том, что было в природе или в комнатах усадьбы, строгим очерком незаменимых линий передав какую-нибудь восточную легенду или притчу, он этим

самым неизбежно и как бы не по собственной воле пробуждает у нас известное впечатление, теплое движение сердца.

Он рисует факты, а из них уже сама, органически, рождается красота. И можно ее назвать белой, потому что это – его любимый цвет; эпитеты «белый, серебряный, серебристый» часто слышатся на его светлых страницах. Не только на окне его, «серебряном от инея, точно хризантемы расцвели», но и вообще его типичные стихотворения словно подернуты инеем, и они иногда вызывают представление как раз о тех пленительных узорах, которые выводит на стекле наш русский пейзажист-мороз, и они звенят иногда, как хрустальные подвески той люстры, о которой не раз поминает Бунин в своих стихах.

У него – поэзия спокойная, без исключительности, без событий. У него – жизнь медленная и матовая. Сердце его уже стало «трезвей и холодней», и его тронули уже первые заморозки жизни. Он порою сам напоминает «сон-цветок» своего стихотворения: «он – живой, но сухой». Это сочетание жизненности и сухости в результате приводит Бунина к стихии серьезной и вдумчивой. Не горит и не жжет его поэзия, нет в ней пафоса, но зато присуща ей сила искренности и правды. Так характерно для него, что ему пришлось отвесить своей возлюбленной только «сдержанный поклон», между тем как страстно хотел он к ней «хоть раз, только раз прильнуть всем сердцем, в этот ранний, в этот сладкий час». У него есть великое и трудное самообладание; но это не равнодушие к люб-

ви – напротив, он упоенно ждет ее и знает, как она страшна, и жутка, и требовательна в самом счастье своем:

О, будут, будут жуткие мгновенья!
И свежесть влажных кос, и сладость юных уст
Я буду, буду пить! Живу надеждой страстной
Всю душу взять твою – и все отдать тебе!

Общая успокоенность, светлая осень, когда рассыпается не только «чертог из янтаря», но и самая жизнь, и с застывшей печалью в лице приходит к фонтану девушка, влача по листьям спущенную шаль, и убегают дни, которым «ничего не жаль», – этот осенний дух бунинской поэзии как-то не позволяет говорить о том, какие чувства в ней преобладают, что по преимуществу движет ее уверенную, но замедленную поступь. В этой поэзии, как и в осени, вообще нет преобладания.

Он согласен чистому образу новобрачной петь эпиталаму, только еще более украшенную и углубленную сближением свадьбы и смерти:

Восприми же в час урочный
Юной жизни торжество!
Будь любимой, непорочной:
Близок мертвый час полночный,
Близок сон и мрак его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.